

—

Рассвет зимой наступает поздно, и на холодном, сером и морозном ветру горит только свет масляных свечей.

С раннего утра жители в деревне были заняты, загружая зерно на телеги и отправляя его на главную деревенскую дорогу. Когда рассвело, на дороге уже стояло семь или восемь телег с зерном.

В этот раз деревня сдавала около двухсот даней зерна. Когда всё необходимое зерно было загружено, деревенские мужчины уже вспотели.

В прежние годы десять телег с зерном отправляли четыре-пять человек, в этом году количество людей увеличилось более чем в два раза.

Все жители деревни знали о слухах. Если зерно будет потеряно, ответственность ляжет не только на старосту, но и на крестьян. По призыву Цзи Янцзуна все крепкие мужчины добровольно пришли охранять зерно.

На дороге собралась большая толпа людей, отправляющих зерно и пришедших помочь. Они шумно болтали в холодное зимнее утро.

«Готово, пора отправляться!»

Цзи Янцзун проверил зерно и телеги, убедился, что всё в порядке, и крикнул. Он обошёл обоз, сел на головную телегу и повел ее вперед.

Деревенские мужчины по команде Цзи Янцзуна один за другим сели на телеги, и обоз медленно двинулся вперед. Хо Шу вскочил на коня.

Он ехал в самом конце обоза, прикрывая тыл.

Старики, женщины и дети, несмотря на зимний холод, стояли на деревенской дороге, провожая уезжающие телеги с зерном.

Почти половина урожая, собранного за год в результате кропотливого труда, была здесь, и нельзя было допустить ни малейшей ошибки.

Когда Таоюй торопливо прибежал против ветра так быстро, как только мог, он все равно

опоздал на шаг. Обоз уже уехал, и он видел лишь твёрдую спину Хо Шу, сопровождающего зерновой обоз.

Большой вороной конь махнул хвостом, очерчивая дугу в утреннем тумане. Хотя бандиты снаружи вызвали беспокойство, в этом году Хо Шу провожал обоз, и это почему-то давало людям больше спокойствия.

Таоюй смотрел на удаляющуюся спину Хо Шу, потирая замёрзшие руки, и тихо вздохнул, его дыхание тут же превратилось в белый пар.

Он с тоской смотрел на обоз, который исчез из виду. Зря он сегодня перед рассветом, стиснув зубы, встал с постели.

Виной тому было то, что он поздно лёг вчера вечером, и шум ветра и лай собак не давали ему спать, вызывая беспокойство.

После того как обоз с зерном покинул деревню, на дороге вновь стало шумно и оживлённо.

«В этом году зерно сдали поздно, смотрите, как холодно. Раз сегодня нет дождя, надо бы сходить за дровами, зимой огонь совершенно необходим».

Женщина, сложив руки, болтала о пустяках.

«Эй, а что там с семьёй Юй?»

«Кто знает, его целыми днями не видно. Зато та сварливая баба всё ещё не сдаётся и каждый день ищет доктора, а все доктора только качают головой и уходят».

«Почему бы не позвать доктора Хуана, может, у него получится вылечить».

«Их семья потеряла всякое достоинство, как им не стыдно просить доктора Хуана».

«В конце концов, он всё ещё учёный, и его жизнь идёт хорошо. Да ладно с ними, не будем говорить о них, это плохой знак в такой хороший день».

Таоюй слышал, как жители деревни обсуждают семью Юй, но не особо прислушивался. В конце концов, это была история о том, что Юй Линсяо стал калекой, и ничего нового они сказать не могли.

Более того, он не хотел знать о делах их семьи.

Сегодня было очень холодно, капуста в низине покрылась тонким слоем инея, а он сам был похож на побитый морозом баклажан.

Он вяло собирался идти обратно, думая, что лучше вернуться домой и ещё немного поспать.

«Налог на урожай в этом году сдан, осенний урожай полностью завершён. Приближается конец года, интересно, будут ли в это время какие-нибудь радостные события».

«Наверное, будут. В нашей деревне и за её пределами много людей подходящего возраста, так что всегда найдётся несколько пар».

«Кстати, я на днях видела госпожу Юань в Храме Золотого Дракона».

«Она просит о браке для своего приёмного сына?»

Таоюй внезапно услышал эти слова и невольно замедлил шаг.

Он, съёжившись в капюшоне плаща, опустив голову, шёл вслед за болтающими односельчанами.

«Хо Шу уже не молод, да, он задержался на границе столько лет, ему давно пора жениться. Неудивительно, что Юань Хуэйжу так заботится и ходит в храм».

«Хотя Хо Шу молчалив и выглядит свирепо, он очень надёжен в делах. Несколько дней назад моя старшая сестра по материнской линии забила скотину и пригласила мясника Цяо, и он привёл Хо Шу с собой, и Хо Шу забил скотину не хуже мясника Цяо».

«У твоей сестры четверо детей, четвёртый гер как раз подходящего возраста, почему бы не поговорить? Хотя у Хо Шу, кажется, нет никакого наследства, но с его ремеслом жизнь будет неплохой».

«Моя сестра из семьи моей матери тоже задала мне несколько вопросов, но я не уверена».

«Это девушка стесняется, если она спрашивала, значит, у неё есть такие мысли. Нельзя же, чтобы девушка сама говорила об этом».

«У меня дома было много дел в эти два дня, но когда у меня будет свободное время, я пойду к семье Чжао».

«Сяо Таоцзы, куда ты идёшь?»

Таоюй услышал голос матери и внезапно очнулся, увидев, что он прошёл свой дом уже довольно далеко.

«Ты собираешься идти домой с ними?»

Таоюй слегка покраснел, поспешно повернулся и побежал обратно, всю дорогу опустив голову и не говоря ни слова.

Хуан Маньцзин, увидев рассеянного гера, сразу же вернулась в дом, дважды позвала его, но он будто не слышал.

Она, держа дрова, посмотрела на вошедшего в дом человека: «Этот ребёнок, что, совсем замёрз?»

—

Обоз выехал на главную дорогу, и в пути было так тихо, что можно было слышать только скрип колёс и дыхание скота.

После восстания бандитов на дороге стало меньше людей, что неудивительно.

Все мужчины были в состоянии полной боевой готовности, следя за каждым шорохом на дороге, их нервы были натянуты до предела.

Однако весь путь прошёл спокойно, без каких-либо происшествий.

Цзи Янцзун и Хо Шу в глубине души ясно понимали, что на этом участке дороги не было так много беспорядков, как все думали, это было просто потому, что дело Юй Линсяо напугало всех.

Двадцать с лишним ли пути на телеге пролетели быстро, и через два часа вдалеке показались городские ворота.

Деревенские мужчины невольно вздохнули с облегчением.

Путь был спокойным, но Цзи Янцзун не расслаблялся. Он беспокоился о делах, несколько раз поглядывал на Хо Шу в конце повозки, а односельчане думали, что он беспокоится о безопасности зерна, и продолжали бдительно следить за происходящим спереди и сзади.

Только когда они прибыли к зданию префектуры, Цзи Янцзун воспрянул духом.

У ворот префектуры толпилось много людей, которые, судя по одежде, были крестьянами. Они сидели или стояли, довольно плотно окружив здание.

Цзи Янцзун удивлённо взглянул на них и сначала пошёл к привратнику, чтобы доложить.

«Я же сказал, начальника нет! Сколько бы вы ни спрашивали, это бесполезно, если что-то нужно, приходите в другой раз!»

Цзи Янцзун, не успев открыть рта, был облаян привратником. Лица односельчан изменились, и они хотели подойти, чтобы поддержать старосту, но Цзи Янцзун поспешно махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

Он всё равно почтительно сказал: «Мы из деревни Минсюнь, сегодня приехали сдать зерно в качестве налога».

Услышав это, привратник поднялся из сторожки, выглянул наружу и, вновь взглянув на Цзи Янцзуна, стал намного вежливее: «О, это староста деревни Минсюнь, а я думал, это опять те крестьяне пришли шуметь и требовать встречи с Чжифу».

Цзи Янцзун сказал: «Что случилось, большое дело или что-то в этом роде? Смотрю, снаружи много людей».

Привратник покачал головой: «Это люди из деревни Фань, срок уплаты налога на урожай подошёл к концу, и Чжифу велел им сначала восполнить потерянное зерно, поэтому эти крестьяне пришли сюда и шумят».

Цзи Янцзун не выразил ни согласия, ни несогласия. Правительство не хотело брать на себя ответственность, а крестьяне уже отдали почти половину зерна в качестве налога. Если бы им пришлось восполнять его снова, это означало бы опустошение их семейных бюджетов, поэтому они, конечно, будут шуметь.

«Староста, подождите, я пойду сообщу, быстро вернусь».

«Ладно, ладно».

Вскоре чиновник из хозяйственной палаты вышел с книгой записей деревни Минсюнь, чтобы проверить её.

После проверки зерна и подтверждения его правильности им разрешили перенести зерно на склад, а затем им нужно было проверить налоговые деньги.

Когда всё было без ошибок, они подписали и поставили свои отпечатки.

После всех хлопот, когда они вышли из здания префектуры, было не рано и не поздно, как раз обычное время для оживлённого рынка.

Цзи Янцзун закончил это важное дело с осенним урожаем, и его дела на этот год были завершены.

У ворот префектуры он попрощался с деревенскими мужчинами, после чего группа разошлась.

«Хо Шу, подожди».

В мгновение ока Цзи Янцзун увидел Хо Шу, который уже отошёл довольно далеко, ведя лошадь, и поспешно догнал его.

«Ещё что-то?»

«Ты собираешься вернуться сейчас или как?»

Хо Шу сказал: «Пойду взгляну на лавку, потом вернусь».

Цзи Янцзун немного поколебался: «Ну, я тоже скоро вернусь, подожди меня в мясной лавке, я приду к тебе, когда закончу свои дела».

Хо Шу слегка нахмурился, хотел спросить, что ещё нужно Цзи Янцзуну, но не открыл рта, а просто ответил: «Хорошо».

Цзи Янцзун, увидев его согласие, повернулся и занялся своими делами.

Хо Шу повёл лошадь по улице к мясной лавке Цяо. В это время в мясной лавке уже закончился самый оживлённый час, и было тихо.

Он сначала привязал лошадь снаружи, собираясь зайти внутрь и принести ей воды.

Только он широким шагом вошёл в лавку, как увидел Фан Хэ, сидящего на стуле с улыбкой на лице и открытым ртом. Рядом с ним молодая девушка подходящего возраста отламывала кусочек рисового пирога, чтобы положить его в рот Фан Хэ.

Девушка первой заметила Хо Шу, который вошёл с холодным выражением лица, испугалась, и рисовый пирог выпал на стол.

Фан Хэ заметил неладное, повернул голову и встретился взглядом с Хо Шу. Возможно, он не ожидал возвращения Хо Шу, он в панике вскочил, ударившись о стол, и железные крюки на

нѐм зазвенели.

Подсознательно он немного отвѐл девушку за себя: «Хо... брат Хо, как ты здесь оказался!»

Хо Шу, не меняя выражения лица, продолжил идти вперѐд: «Я пойду налью воды лошади».

«Налить воды... налить воды...»

Фан Хэ пристально следил за человеком, который ушѐл в заднюю часть лавки, в панике не зная, что делать.

«Ты же сказал, что сегодня никого нет в лавке! Он меня напугал до смерти!»

Молодая девушка больше не могла видеть Хо Шу, поэтому она яростно схватила Фан Хэ за руку и сказала: «Если он расскажет отцу, будет беда!»

«Брат Хо тебя не знает, он не скажет мастеру».

Цяо Цяо все еще чувствовала неуверенность. Хотя она слышала, как её отец говорил об этом ученике, она видела его впервые.

Обычно, чтобы избежать сплетен, она никогда не приходила сюда.

Фан Хэ глубоко вздохнул и сказал: «Не бойся, ты иди домой, я приду к тебе, когда лавка закроется».

Цяо Цяо также боялась, что Хо Шу снова её увидит, поэтому согласилась и поспешно взяла корзинку для еды: «Тогда я пойду».

«Иди».

Фан Хэ проводил её и, вернувшись, увидел Хо Шу с водой.

Он услужливо подбежал: «Брат Хо, давай я помогу тебе».

«Не нужно».

Фан Хэ — разговорчивый человек, умеющий льстить людям. Даже если покупатель пришел в магазин впервые, он может сделать его постоянным клиентом, пообщавшись с ним, явно прирождённый торговец.

Но хотя он много говорил, он не особо общался с Хо Шу. Во-первых, Хо Шу сам был человеком, к которому трудно подойти, а во-вторых, мясник Цяо явно больше ценил Хо Шу, и Фан Хэ всегда чувствовал, что они конкуренты, поэтому всегда был начеку.

Хо Шу изначально занимался этим делом по указанию семьи Цзи и не имел больших амбиций, но он всегда выполнял свою работу добросовестно. Раз начав что-то, независимо от намерений или причин, он делал это хорошо.

Работу можно выполнять серьёзно, но что касается личных отношений, он не хотел тратить лишние усилия, позволяя всему идти своим чередом.

Поэтому, хотя он проработал у мясника Цяо некоторое время, они все еще не очень хорошо знали друг друга, и даже были совсем незнакомы друг с другом.

«Только что, только что...»

Обычно красноречивый Фан Хэ, увидев отношение Хо Шу, вдруг не знал, что сказать.

Как раз когда он думал, как бы что-нибудь придумать, он услышал, как Хо Шу сказал: «Мужчинам не стыдно жениться, когда они достаточно взрослые, и женщинам не стыдно выходить замуж, когда они достаточно взрослые».

Фан Хэ поднял брови, удивлённо взглянул на Хо Шу, впервые обнаружив, что Хо Шу, кажется, не такой уж и бесчеловечный.

«Спасибо».

«Ты... можешь не говорить об этом мастеру?»

Фан Хэ подумал немного и всё же умоляюще посмотрел на Хо Шу.

«Если ты женишься, он будет рад, почему он не должен знать?»

Сказал Хо Шу и, увидев смущенное выражение лица Фан Хэ, добавил: «Если не хочешь говорить, не говори. Я не тот, кто любит вынюхивать чужие секреты и сплетничать».

Фан Хэ колебался некоторое время, затем понизил голос и сказал: «Она... она вторая дочь мастера».

Брови Хо Шу дернулись, когда он услышал это. Неудивительно, что эта девушка показалась ему знакомой. Оказалось, что это была дочь мясника Цяо.

Он внезапно понял: «Ты пришёл сюда учиться ремеслу ради неё».

«Брат Хо проникателен».

Фан Хэ сказал: «Мы с Цяо'эр знакомы уже давно, и я собирался сделать предложение, но Цяо'эр сказала, что мастер недоволен тем, что никто из его детей не может унаследовать его ремесло, и хочет найти зятя, который мог бы это сделать. Если нет, то сколько бы ни давали денег за предложение, он не согласится».

«У меня не было выбора, кроме как прийти сюда, стиснув зубы».

Семья Фан была из города Тунчжоу. Хотя они не были богатой семьёй, они занимались мелкой торговлей несколько поколений. Основным делом семьи была торговля чаем, и теперь у Фан Хэ уже шесть или семь лавок в городе.

Нет необходимости беспокоиться о еде и одежде, а условия жизни даже намного лучше, чем у обычных людей.

Когда Хо Шу впервые увидел его, он почувствовал, что эти руки не принадлежат ребёнку из бедной семьи. Он был внимателен и умел сочинять истории, говоря, что его семья пришла в упадок, и поэтому он пришёл учиться ремеслу забоя скота.

«Я не боюсь, что надо мной посмеется Брат Хо. В тот день у мастера дома я орудовал ножом, и с тех пор у меня больше не было такой смелости, я только и сижу в лавке».

Фан Хэ вздохнул: «Я знаю, что мастер, вероятно, уже имеет мнение обо мне из-за этого, и думаю, что если одно не получится, то нужно сделать лучше другое».

Хо Шу, видя его откровенность, искренне посоветовал: «Долго скрывать это не получится, скажи ему пораньше. Если он увидит твою искренность, мастер Цяо внимательно рассмотрит. Это ваше дело, я ничего не скажу».

Фан Хэ вздохнул: «Спасибо, брат Хо. Я тоже собираюсь подождать, пока мастер вернётся из уезда Наньюй, и тогда расскажу ему о себе и Цяо'эр».

Хо Шу кивнул.

Как только они закончили говорить, пришёл Цзи Янцзун.

«Как идут дела?»

«Староста Цзи пришёл, садитесь».

Фан Хэ уже видел Цзи Янцзуна в доме Цяо и, увидев его, поспешно поприветствовал:
«Староста, вы хотите купить мясо?»

Цзи Янцзун махнул рукой: «Сегодня деревня привезла зерно в город в качестве налога, и я пришёл за Хо Шу, чтобы вместе вернуться в деревню. Оставляю тебя в покое, чтобы ты позаботился о магазине».

«О чём вы говорите, староста Цзи? Мастер учил меня ремеслу, это мой долг».

Фан Хэ затем обратился к Хо Шу: «Брат Хо, если у тебя есть дела, иди занимайся, лавка на мне».

Хо Шу кивнул и вместе с Цзи Янцзуном отправился обратно в деревню.

Они вдвоём вышли из города. В городе было шумно, они поговорили о Фан Хэ, а затем оба замолчали.

Проходя мимо телеги у городских ворот, Цзи Янцзун не сказал, что сядет, а просто шёл пешком по дороге вместе с Хо Шу.

Они шли, не разговаривая.

«Как тебе живётся в деревне в последнее время, привык?»

Наконец, Цзи Янцзун не выдержал и нарушил молчание. Если бы он не заговорил, то, вероятно, человек рядом с ним, ведущий лошадь, не сказал бы ни слова до самой смерти.

Посторонние могли бы подумать, что они не вместе.

Хо Шу прямо ответил: «Непривычного ничего нет».

«Конечно, ты же воевал, нет ничего, к чему бы ты не мог привыкнуть».

Цзи Янцзун помолчал, затем сказал: «А чем ты занимался в эти дни?»

Хо Шу ответил: «С мастером Цяо забивал скот в городе и за его пределами».

«И больше ничего?»

Хо Шу не понял: «Что ещё?»

«Ты хорошо выучил это ремесло, старик Цзяо тебя хвалит. Но, кажется, ты не приложил ни малейших усилий к чему-то другому».

«Ммм?»

Цзи Янцзун, видя недоумение Хо Шу, глубоко вздохнул. Этот человек мог свести с ума кого угодно: «Я говорю, как дела у тебя и Сяо Таоцзы!»

Хо Шу на мгновение замолчал, как дела? Кажется, всё по-прежнему.

Цзи Янцзун, видя, что Хо Шу не отвечает, рассердился: «Что, передумал? Я же говорил, молодёжь быстро меняет своё мнение, хорошо, что раньше я...»

«Нет».

Хо Шу прервал его: «То, что я сказал, не изменилось. Все сказанные ранее слова в силе».

Цзи Янцзун, услышав это, шевельнул глазами, затем снова закрыл рот, его лицо заметно смягчилось.

Он сухо кашлянул: «Раз ты всё ещё так думаешь, то нужно продвигаться вперёд. Ничего не получится, если ты будешь только говорить, но ничего не делать».

«Настоящий мужчина должен быть гибким. У гера или девушки тонкая кожа, они любят проявлять свой характер. Если ты не будешь к нему прилипать, не будешь вокруг него крутиться, не будешь показывать ему свою симпатию, откуда он узнает, что ты имеешь в виду?»

«Сегодня он делает вид, что сердится, а если не будешь уговаривать, то это превратится в настоящую злость, и если подождёшь ещё немного, он действительно перестанет с тобой общаться».

Хо Шу слушал, как Цзи Янцзун обстоятельно объяснял, подытожив его слова, и спросил: «Я с ним плохо обращаюсь?»

«Я не говорил, что ты с ним плохо обращаешься! Ты спас его, помог восстановить его репутацию, никто не относится к нему лучше, чем ты! Но только этого недостаточно, нужно ещё что-то более простое».

«Посмотри на этих молодых людей, сегодня принесут немного пирожных, завтра подарят шпильку, послезавтра скажут: «Я жду тебя у пруда». И разве человек сразу не поймёт, что это значит?»

Чем больше говорил Цзи Янцзун, тем больше он чувствовал, что Хо Шу ничем не отличается от куска дерева, даже не умеет немного уговаривать. Неудивительно, что он в таком возрасте ещё не женился. Война на границе — это одно, но, конечно, есть и другие проблемы.

Он терпеливо наставлял: «Я не говорю, что то, что ты делал, плохо, наоборот, очень хорошо. Но если ты делаешь только такие большие дела, хотя это более искренне и трудоёмко, чем у обычных людей, то человек не знает, что ты собираешься делать».

«Неужели человек должен думать: «Эй! Этот большой брат хороший человек и очень надёжный, он так много мне помог, я даже не знаю, как его отблагодарить. У моих родителей здесь есть связи, может, поможем ему найти хорошую пару». Если ты ведёшь себя так порядочно, разве человек сможет подумывать, что у тебя есть к нему чувства?»

Хо Шу нахмурился, слова Цзи Янцзуна казались небезосновательными. Таоюй раньше действительно говорил такие слова, что означало, что Таоюй действительно просил их помочь ему найти пару?

У него в душе был беспорядок, и он сразу же спросил о том, что его больше всего волновало: «Он называет меня большим братом?»

«...»

Цзи Янцзун глубоко вздохнул: «Ой, ты глупый мальчишка! Я просто привёл пример, это не Сяо Таоцзы так назвал, он не будет считать тебя старым».

Хо Шу молчал, не отвечая.

Цзи Янцзун сухо кашлянул, поняв, что оговорился, и сменил тему: «В общем, если ты всё ещё так думаешь, то не молчи больше. Тебе придётся приложить усилия, чтобы угодить ему, девушки и геры очень легко поддаются на уговоры».

«Сяо Таоцзы, он просто любит возиться с травами, дай ему горсть солодки, и он будет очень рад, считая её очень полезной. А ещё он просто немного сладкоежка, любит сладкие пирожные, фрукты, рыбу и морепродукты, в общем, не привередлив».

Хо Шу нахмурился и сказал: «Запомнил, ещё что-нибудь?»

«Что запомнил, просто запомнить недостаточно». Цзи Янцзун поднял руку и сунул в руки Хо Шу завернутый в промасленную бумагу сверток: «Каштаны, возьми их и поешь с Сяо Таоцзы».

Хо Шу, взяв ещё тёплые каштаны, сказал: «Я сам куплю».

Цзи Янцзун взглянул на Хо Шу: «Когда ты это сделаешь, будет поздно. Лучше я помогу Сяо Таоцзы найти другую семью».

Раз уж дошло до этого, он решил говорить начистоту: «Я знаю, мясник Цяо ценит тебя и планирует взять тебя в зятя, чтобы потом отдать тебе свой бизнес».

«Хотя семья Цзи не может сравниться с бизнесом семьи Цяо, но у меня есть только один ребенок, Сяо Таоцзы, и всё равно всё будет вашим. Земли и леса семьи Цзи, если хорошо ими заниматься, хватит, чтобы вы ели и пили до конца жизни, и вы определённо не будете в убытке».

«За последние полгода произошло много событий, и я, пройдя через всё это, увидел, что ты честен и надёжен, иначе я бы не стал тратить столько слов. Если Сяо Таоцзы сможет быть с тобой, он не будет слишком много страдать, я не прошу многого, просто ты должен защитить его».

Хо Шу нахмурился, он не знал, что у семьи Цяо были такие планы, но всё это было неважно.

«Я определённо не позволю ему страдать».

Цзи Янцзун сухо кашлянул и ускорил шаг: «Тогда поторопись и сделай это».

«Скоро Новый год, после него весной будет куча дел, так что на другое времени не будет».

Хо Шу посмотрел на средних лет мужчину, который ворча ушёл вперёд, и крепче сжал в руке промасленный бумажный сверток.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281193>